

Имя собственное как коммуникативная конвенция

И. Ф. МИХАЙЛОВ

Очень интересный и провокативный текст А.Л. Никифорова я бы логически реконструировал как состоящий из двух неравноценных по «импликативной силе» посылок и четырех выводов, которые автор делает из сочетаний явно сформулированных им посылок (в основном, одной из них) и неявно подразумеваемых презумпций. Итак, посылки:

(a) Имя собственное «Петр Куслий» обозначает не один, а множество объектов (а то и множество множеств), обозначаемых индексированными именами, и в этом оно аналогично понятию, т.е. обозначает некий абстрактный объект, «присутствующий» во всех частных проявлениях Петра Куслия. Конкретного, физического референта этого имени не существует.

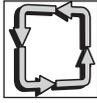
(b) Трудности применения аппарата логической семантики к естественному языку вызваны тем, что в логической семантике приоритетной является обозначающая функция языка, тогда как в естественном языке главными являются его коммуникативная и когнитивная функции.

И выводы. Только из посылки (a) следует:

1. Единичных терминов нет, есть только общие и пустые. Соответственно сомнительными оказываются все номиналистические концепции, поскольку и единичных предметов не существует.

2. Естественный язык задает онтологию, состоящую из идеализированных абстрактных объектов. В этом отношении он похож на научные теории.

3. Никаких «предметов» в реальности нет, это мы создаем «предметы», интерпретируя внешние воздействия с помощью органов чувств и языка. Предположение о существовании «предметов» во внешнем мире является не более чем удобной гипотезой.

Из сочетания (a) и (b) следует:

4. Все имена собственные нагружены смыслом, а не являются простыми бирками или ярлыками единичных предметов.

Сразу скажу, что первое впечатление от текста связано с неким безотчетным чувством протеста: да как же так, зачем же Рассел строил теорию определенных дескрипций, если не для случаев, подобных описанному в (a)? А «Философские исследования» Витгенштейна разве не сделали соображение, содержащееся в (b), почти общепринятым и почти тривиальным?

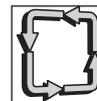
Но потом, как мне кажется, я уловил далеко идущую задумку автора: она состоит в том, чтобы ненадолго забыть, что мы «стоим на плечах гигантов» – Фреге, Рассела, Витгенштейна и др. – и окончательно избавиться от подспудных онтологических презумпций и прочей «концептуальной оптики», через которую мы смотрим на мир (это специально проговаривается в п. 2 рассматриваемого текста), и вполне по-декартовски остаться наедине с последними и несомненными очевидностями. А таковыми являются, во-первых, имеющиеся у нас языковые средства и, во-вторых, хаос чувственных впечатлений, который мы структурируем как «мир».

Главный вопрос сегодняшней дискуссии, как я его понимаю, состоит в следующем: а что заставляет нас структурировать его так, а не иначе?

Традиционно считалось, что логически возможны два варианта ответа на этот вопрос: реалистический, в духе Платона и/или Аристотеля, и номиналистический. В первом случае мы заранее предполагаем некую онтологию, в соответствии с которой реально существуют «сущности», проглядывающие сквозь случайный морок чувственных впечатлений, которые являются подлинными референтами общих терминов. Тогда имена собственные не представляют особой проблемы, поскольку могут быть интерпретированы как «редуцированные» или «вырожденные» случаи общих терминов, как имена классов, состоящих из одного элемента. Этот вариант ответа необходимо нуждается в метафизике как теории, рационально обосновывающей существование определенной системы сущностей с их модусами, атрибутами, акциденциями, экземплификациями и т.д.

Номиналистический вариант ответа готов признать существование только тех «предметов», относительно которых возможно остенсивное определение или использование индексикалов типа «этот» / «эта» / «это». В таком случае референциальной семантикой обладают, конечно же, только имена собственные, которые помогают нам отличить «эту» лошадь от «той» лошади. Тогда как общие термины, например «лошадь» как таковая, могут иметь только функциональное или инструментальное значение.

Александр Леонидович, со всей очевидностью не будучи реалистом, неожиданно для всех атакует молчаливые презумпции, на кото-

рых основана номиналистическая онтология. Согласно его скептическому аргументу, у нас нет никаких логических оснований полагать, что референтом имени «Петр Куслий» в эпоху его детства, в эпоху его юности, в устах его матери, его жены и т.д. является один и тот же «предмет». И в противовес этой онтологии объявляет смыслы определенных дескрипций, соотнесенных с именем «Петр Куслий» (Петр Куслий младенец, Петр Куслий сын, Петр Куслий муж, ответственный секретарь настоящего журнала, председатель Совета молодых ученых ИФ РАН), отдельными предметами.

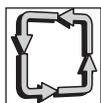
Я бы предложил два контраргумента, ставящих под удар «онтологию Никифорова».

K1: Александр Леонидович исходит из того, что ПК муж и председатель Совета молодых ученых ИФ РАН – это разные онтологические сущности. Предположим, что жена Петра в какой-то момент достает из тумбочки документ и говорит его матери: «Петя только что ушел на работу и забыл вот это. Это – его паспорт». Тогда, если она совершит законную по Расселу подстановку дескрипции вместо имени собственного и скажет: «Председатель Совета молодых ученых ИФ РАН только что ушел на работу и забыл вот это. Это – его паспорт», то, согласно «онтологии Никифорова», изначальное истинностное значение этого высказывания должно измениться. Но мы – интуитивно – этого совершенно не ожидаем.

Правда, Александр Леонидович может возразить, что наша привычная онтология опирается на привычные же социальные практики: вот если бы у нас было принято выдавать отдельные паспорта гражданину NN мужу, гражданину NN сыну и т.д., тогда тождественная подстановка была бы невозможна. Да, но ведь естественно предположить, что тот факт, что социальная практика исходя хотя бы из соображений удобства сложилась именно таким образом, может в какой-то степени приоткрывать завесу над действительной онтологией мира.

Студентам я обычно поясняю эту мысль следующим образом: то, что в нашей физике принято говорить об ускорении свободного падения как о важной физической константе, безусловно, есть теоретическая конвенция, – как и то, что единицами расстояния мы считаем метры, а единицами времени – секунды. Но тот факт, что эта постоянная равна именно $9,81 \text{ м/с}^2$, сообщает нам что-то важное и эмпирически истинное о мире, как он есть.

K2: Мне представляется интуитивно очевидным, что два разных объекта, которым мы приписываем некую физическую определенность, могут находиться в разных местах в один и тот же момент времени. Представим ситуацию, когда вся счастливая семья в сборе в московской квартире, однако жена Петра открывает сайт ИФ РАН и видит новость, согласно которой председатель Совета молодых ученых этого института в данный момент находится на Кипре, где выступает

на научной конференции. Александр Леонидович не должен был бы усмотреть в этом факте ничего странного, но г-жа Куслий, как мы ожидаем, будет озадачена и подумает, что, возможно, редактор сайта в чем-то ошибся.

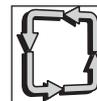
На мой взгляд, К1 и К2 доказывают, что, следуя за А.Л. Никифоровым, если только мы не переформулируем наше традиционное понимание объекта, мы столкнемся с существенными препятствиями в последовательном выстраивании этой новой онтологии.

Как представляется, наших рассуждений достаточно, чтобы показать: посылка (а) в докладе А.Л. Никифорова вызывает серьезные трудности, а это в свою очередь делает его выводы недостаточно обоснованными.

Посмотрим на них внимательнее. Вывод 1 отрицает существование единичных терминов на основании результата анализа их референтов как скрытых многоуровневых множеств. Поскольку я, как мне кажется, показал сомнительность этого результата, нам стоит вернуться к обсуждению единичных терминов. Ошибка, на мой взгляд, заключается в «реалистическом» понимании природы референции как отношения, основанного на связи термина с понятием – мыслимым содержанием тех признаков, которые выделяют для нас непустой класс элементов. В его рамках мы мыслим имя собственное как термин, выражающий понятие, которое ограничивает класс из одного элемента, т.е. термин, богатый мыслимым содержанием. И, естественно, как только единственный элемент оказывается множеством, термин из единичного автоматически превращается в общий.

Я бы предложил рассмотреть природу референции имен собственных не по аналогии с общими терминами, а по аналогии с индексикалами (тем более что именно так их рассматривал Чарльз Пирс), т.е. признать, что значения имен собственных в общем случае чисто функциональны, а референты определяются конкретной ситуацией. Но если общий термин заменяет определенную дескрипцию, говорящую о множествообразующих признаках, или является ею, то у индексикалов нет этих виртуальных усиков, тянущихся от них к объектам реальности. Их связь с объектом ситуативна и конвенциональна. В этом можно убедиться, введя имя собственное в строку поиска Google.

Если мы введем, например, «Игорь Михайлов», то кого только не увидим в результатах: чиновник, депутат, писатель... И ведь никто не скажет, что термин «Игорь Михайлов» отсылает нас к чему-то общему, что имеется у этих людей. Но в каждом отдельном случае он является собой логически случайную конвенцию коммуникативного сообщества, имеющего дело с соответствующим человеком. «Назову себя Гантенбайн» – гласит название известного романа Макса Фриша. Хотя чаще всего за нас это делают наши родители. Причем обычно имена собственные лексически происходят от определенных дескрип-

ций: например, имена «Теодор» и «Богдан» (равно как «Василий» и «Владимир») означают одно и то же на разных языках. Но понятно, что не это связывает их с их многочисленными референтами.

Итак, подытоживая сказанное, я бы предложил следующую ревизию результатов А.Л. Никифорова:

Посылки:

(а) Имя собственное «Петр Куслий» представляет собой индексальную переменную, «пробегающую» по предметным значениям в соответствии с ситуативными соглашениями. Конкретные физические референты этого имени существуют, но не связаны с ним ничем, кроме коммуникативных конвенций.

(а1) Тот факт, что жена и мать Петра Куслия воспринимают друг друга как имеющих отношение к одному и тому же объекту, «показывает» (в витгенштейновском смысле) что-то важное относительно устройства мира как он есть.

(b) Остается без изменений.

Выводы, следующие из посылок:

1. Единичные термины есть, но их функциональное значение в коммуникативных актах представляется более важным, чем их случайные референции. Иначе говоря, их реальное функционирование не задает никакой определенной онтологии.

2. Естественный язык, поскольку он состоит из терминов разной степени общности, подчиняющихся разным правилам референции, может быть интерпретирован на разных онтологиях. В этом отношении он *не* похож на научные теории.

3. Само существование «предметов» («объектов», в нашем случае их можно употребить как синонимы) задается «глубинной грамматикой» языка (или наоборот: споры о том, что чем задается, – чистая схоластика). То, что объекты *есть*, показывается тем, как язык вообще функционирует. Конкретный «состав» объектов в актуальном мире – предмет коммуникативных соглашений.

4. Если имена собственные и «нагружены» каким-либо смыслом, то он исторически случаен и никак не определяет список их возможных референтов¹.

¹ Пример А.Л. Никифорова с «Альбертом Эйнштейном» говорит лишь о том, что в рамках актуальной системы конвенций это имя указывает на объект, также описываемый такими определенными дескрипциями, как «автор теории относительности», «олицетворение выдающегося ума» и т.п. Само по себе имя не становится от этого «нагруженным смыслом».